

ЖВА
НЄЦ
КИИ

7

Юмор – это жизнь

Михаил Жванецкий
Сборник 2019 года. Том 7

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Жванецкий М. М.

Сборник 2019 года. Том 7 / М. М. Жванецкий — «Эксмо»,
2020 — (Юмор – это жизнь)

ISBN 978-5-04-121180-6

Неповторимый, узнаваемый, великий народный писатель. Король юмора, дежурный по стране – все это Михаил Жванецкий! В новой книге тонкий юмор автора на абсолютно разные темы: смешные случаи и истории из жизни, отношения мужчин и женщин, молодость и старость, семейное счастье и ностальгия по недалекому прошлому, искренние посвящения друзьям и еще многое другое. Уникальность Михаила Жванецкого – в емкости и точности фраз, в их философской мудрости и в то же время простоте и легкости. «Если бы я мог обмануть себя по-крупному, я был бы счастлив». Его юмор помогает жить, дарит море положительных эмоций, объединяет людей.

УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-121180-6

© Жванецкий М. М., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Ностальгия	6
История вкратце	7
История вкратце	9
Самочувствие	15
Весна	16
Обокрали	17
Бедный Юрик	20
Губами говорить	25
Чехов	29
Правда или то, что думаешь	31
Унитаз, НАТО, Сочи	32
Зал ответит	35
Говорящему со сцены	38
Что такое, господа?	39
Гусману от Жванецкого	45
Цель	46
Я за жизнь без цифр	47
Мы у них	49
На приёме у больного	50
Такое состояние	51
Лошадь, собака, кот	55
Кот Макс	56
Кот Морис – избит	57
Второй этап реформ	59
Ужин в ресторане	61
Спасателям	62
Нет перспектив	63
Сундук на дороге	66
Тихо! Он вспоминает	69
Ум и мудрость	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Михаил Жванецкий

Сборник 2019 года. Том 7

© М. Жванецкий, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Есть писатель-река.
Есть писатель-море.
Я писатель-дождь.
Меня надо собирать в ведро.*

Ненавижу цепи.
Обожаю нити.

Я все-таки не герой, я – соловей.

Ностальгия

Для меня Старый год – это год революции на Украине.

Это люди, в которых проснулась свобода.

Это униженные начальники, предъявляющие пропуск толпе.

Это молодые лица.

Это тот недолгий праздник, что даёт толчок жизни и искусству.

А что будет потом – это будет потом.

Всевышний, к сожалению, строго следит за балансом.

Он уж постарается, чтоб ликование не осталось безнаказанным.

Тем более что те, кого вынесло наверх, всегда думают одинаково.

Но мы это знаем, и они знают, что мы знаем, что они знают, что мы знаем.

Мы на это идём ради праздника.

А куда денется огромная толпа чиновников, милиционеров, председателей комиссий, министров, инспекторов, аудиторов и судей, то есть тех, кто превращает результат, который будет, в результат, который был?

Куда они денутся, мы увидим сразу после Нового года.

А пока прошу к столу.

История вкратце

Дети во дворе.

– Это ты порвал?

– Это само было.

– Погуляешь, пойдёшь делать уроки.

– Я буду делать арифметику.

– Делай арифметику.

– Нет. Я буду делать письмо.

– Делай письмо.

– Нет. Я буду делать географию.

– Делай географию.

– Но сначала я погуляю.

– Хорошо. Погуляй.

– Нет. Я сначала пойду делать арифметику.

Главная ошибка пишущего – ему кажется, что люди жадно ловят его слова.

Усосался водки, отъедрил мать, закатил под кровать жену, дыханием убил фикус, затолкал жвачку в скважину соседям, разбил раковину, избил прохожего и неожиданно погладил кота.

Народ имеет того, кто его имеет.

- Когда пьёшь коньяк – сосуды расширяются.
- А когда не пьёшь – сужаются?
- Так кто же им даст?!

- В Одессе.
- Как пройти к Привозу?
 - Идите так, как я сижу.
 - Вы имеете в виду – лицом?
 - А как же! Идите, я вас буду наблюдать. Если вы не туда свернёте, я крикну. Идите, идите, пока я молчу.

История вкратце

Они шли к морю по узкому переулку.
Две толстые женщины с большой кошёлкой посередине.
Молодой парень не мог их обогнуть.
Опёрся на их плечи и, легко перепрыгнув кошёлку, затанцевал впереди.
К нему подошёл кто-то из зрителей:
– Вы обидели двух женщин.
– Вы антисемит? – спросил парень.
– Я еврей.
– И я еврей, – сказал русский, и они разошлись.

Мы все следим за культурой женского тела.

Идеальный ресторан – когда официантки отвлекают от еды, а еда отвлекает от официанток.

В нашей стране данные о воровстве тоже ворованные.

Отец говорил мне: «Не спеши, и всё сбудется!»
И вот сбылось: я уже не спешу.

Конечно, для счастья мало хорошего дома, прекрасной машины, обильной еды, тёплой одежды, весёлых детей... Но что там остаётся?

Она вышла на сцену с цветами.
Пожелала мне всего хорошего, поблагодарила за прекрасный концерт, за огромный заряд бодрости, за прекрасный юмор, за незабываемые впечатления и вручила цветы.
Пришлось растеряться, так как концерт ещё не начинался.

Если бы я мог обмануть себя по-крупному, я был бы счастлив.

У нас единственные профессионалы – это воры.

– Ты едешь на соревнования по юмору?

– Нет. Не берут. Говорят, что я мешаю им соревноваться.

Вы думаете, если я одинок, значит – свободен?

А если женат – значит, не одинок?

Я женился и превратился из свободного, весёлого, лёгкого, молодого, ни в чём не нуждающегося человека в счастливого! Ага! ...А как же!

Что такое 80? Это право целовать любую женщину без её согласия и без своей надежды.

Последнее, что я услышала:

– Галочка, кагор – церковное вино. От него не опьянеешь.

Вот это дом!

Даже спальня имеет кодовый замок.

Плита закрывается на ключ.

Каждая форточка захлопывается на английский потайной наборный.

Раковина на замке.

Холодильник на висячем амбарном.

Кровать цепями прикована к стене.

В кровати жена на цепи.

И дети на цепочках.

Собаки свободно бегают на ремешках.

Сам с большой верёвкой.

Тёща чемоданными ремнями прихвачена к блоку на тросе.

Машина в гараже приварена к столбам, врытым в землю, выходящим на другой стороне
земного шара, и там законтрагаенным.

Гараж в броневидах с канонерки.

Велосипед на цепи.

Цепь уходит к скальной породе и там приварена к металлическому столбу.

В общем, условия для жизни есть.

Осталось только жизнь наладить.

Вот ещё размышления.

Выполнить приказ не раздумывая или задумываясь?

Как лучше для приказа?

Вот в начале войны не задумывались.

А итог вы знаете.

Добро – сутулое, некрасивое, мозолистое, слезящееся, седое и даже кривоногое.

А зло вы когда-нибудь видели?

Да! Вы любовались им!

Слоны, быки, медведи не имеют чувства юмора.

Это привилегия мышей, кролей, зайцев и прочих мелких, но хитрых.

Сходя со сцены, он играл чудовищно.
Дома, в гостях, на улице – он не знал, кого изображать.
Не знал слов.
Не выработал походку.
Не мог вжиться в костюм.
Был неорганичен.
Как новичок.
Кто он? Кто?
Только на сцене, где есть костюм, слова и режиссёр, он был велик.

Всё, что-нибудь стоящее, – в одиночестве.
Насмотрелись мы на толпы.

Раньше смехом корчевали, теперь удобряют всякие гадости.

Самочувствие

Встал – лучше.
Вышел – хуже.
Выпил – лучше.
Съел – хуже.
Прилёг – лучше.
Встал – хуже.
Сел – лучше.
Пошёл – хуже.
Остановился – жуть.
Двинулся – мрак.
Прислонился – лучше.
Разговорился – ничего.
Договорился – лучше.
Проводил – хуже.
Завтра – не пришла.
Чем смешить будем, послезавтра концерт в Барнауле?

Весна

Почему у оленей зов в лесу весной?
Почему мужчина не может дать зов с улицы через окно?
Или из квартиры через форточку?
И почему не набегут женщины на самый могучий зов – зов жизни?
Даже слово «издаю» теперь обозначает пошлость.
Что ты издаёшь?
Я издаю зов.
Зов любви.
Трубный голос из квартиры.
Со скамейки.
Из двора.
Я выхожу на улицу.
Я возбуждён.
Огромный яркий хвост.
Красное горло, горящие щёки...
Мой зов:
– А-а-а!
Откликнитесь!
Из меня рвётся любовь!
Я уже люблю!
Не нужно бесед...
Кто я?
Я самец...
Без документов.
Без денег.
Я могучий самец.
Я зову в лес.
Для потомства.
Только для потомства. Денег у меня нет!
Что же вы разбежались?
У вас не хватает населения, а вы могучего самца заталкиваете в КПЗ.
От кого ж понесёте, если запрёте меня в такой период...
Ну, нету у меня недвижимости.
Я весь в движении.
Я несу в себе страсть и потомство.
Ой, поймали, скрутили, вернули на кухню...
Нет у меня для вас сына. Всё, весна кончилась.

Обокрали

У юриста, который летел в Одессу читать лекцию о морском праве, разрезали снизу подкладку пиджака и вытащили все деньги.

Я оказался телом более чувствителен и как-то дёрнулся, забеспокоился и уцелел.

А он звонил жене из Симферополя:

– Лена, ты только не волнуйся.

Из трубки раздался лай собаки.

– Лена.

Из трубки лай.

– Лена, убери Шульца... Это наша собака.

– У меня мало денег. Мне люди собрали. Нужно быстро говорить. Лена...

Оттуда лай.

– Лена, ты только не волнуйся. Меня обокрали. Лена, у меня нет времени говорить. Меня обокрали. Лена, у меня нет денег даже на этот разговор. Мне собрали на этот разговор.

Из трубки лай.

– Убери собаку. Мне собрали на этот разговор. Меня обокрали. Лена, телеграфируй мне в Одессу. Я из Симферополя говорю. Мы сели сюда. Одесса не принимала, и меня обокрали. Разрезали подкладку. Я по карточке говорю. Я не знаю, как посылать. Свяжись с моей работой. Нет, мне тут собрали на завтрак и на разговор. Лена, не волнуйся и перестань. Лена, перестань говорить. Лена, замолкай. Бросай трубку. Лена, я здоров. Пришли в Одессу. Лена, разберись.

Из трубки лай.

– Шульц, молчи. Меня обокрали. У меня нет денег на твой лай. Дубина.

Лена, в Одессе я буду завтра... Я не знаю, я буду просить у прохожих.

Я что-нибудь продам.

Я узнаю, где тут покупают.

Тут все что-то продают.

Отдыхающие всё продают.

Тут такие ряды...

Я встану в ряд...

Я не знаю...

Туфли, плащ...

Да чёрт с ним...

Надо выпить.

Не плачь...

Паспорт цел...

Кто меня будет встречать?

Я не знаю...

Всё! Она вылетает! Жизнь моя!

А я женщина, и бизнес у меня женский.
Салон.
Кого я могу брать?
У меня одни женщины.
Брать студенток нельзя.
На сессию уходят.
Брать пожилых – ну, во-первых, болезненные, во-вторых, только научишь – может помешать.
Молодых тоже не возьмёшь – беременеют.
Лучше всего женщина от 30 до 40.
И миловидные, и работают, стараются и профессией дорожат.
Но тоже бедствием овладели – беременеют повально.
В сорок – сорок два.
От кого?
Кто там у них?
На свидание не бегала, в театр не ходила – и бац!
На четвёртом месяце.
Вот это самое страшное.
Немолодая, которая родила.
Это целый день звонки домой.
Как поел, как сходил, чем попochку вытерли, чем ножки протёрли.
Я сама женщина.
Но я же не беременею внезапно для всех.
Может, сейчас люди тяжело живут, но интересно.
Благодаря лекарствам и новым методам лечения.

– Мне трудно выразить свою мысль.
– А кто может помочь вам выразить вашу мысль?

Почему я не хочу быть губернатором.
У меня своих нет.
Ну – Сташкевич – вице-губернатор.

Ну – Гарик – вице-губернатор.
А МВД, а ФСБ, а секретариат, а торговля?
Нет дорог.
Кого поставить?
Посторонних? Не поставлю!
Нет своих – не лезь во власть!

Бедный Юрик

После выступления бездарного юноши, но сына очень богатого папы – специальное заседание педсовета.

Педагог по речи – языку:

– Мы здесь собрались прежде всего, чтобы отметить, что мальчик учится.

Главное у него есть.

Это... Это... Что именно, я скажу потом...

А сколько в него вбабахано труда.

Педагог по зарубежному театру:

– Просмотр был интеллигентным, грамотным.

Он определённо куда-то шагнул.

Хочет он или не хочет, но он уже на ступень выше того, что было.

Педагог:

– Он ещё не дотягивает. Ну что ж, это не страшно.

Нет ещё мышления, организованного напора.

Ну, для него это и не важно.

Ему важно учиться дальше.

И для чего он пребывает столь ярко и заметно в учебном процессе.

В потоке знаний ведь тоже как-то надо ориентироваться.

Он это явно, явно успевает.

Вот и Нонна Яковлевна проделала гигантский труд, и Николай Ефимович – огромную работу.

С ним много месяцев работал наш профессор по речи.

Ему, конечно, ещё надо подключиться самому. Он это знает!

А сейчас в присутствии его отца, нашего искреннего и доброго спонсора Геннадия Петровича, скажу – он будет актёром.

Мы ведь сами не торопим его...

Куда ему спешить...

Он ещё молодой.

Коллектив студентов и студенток у нас замечательный.

Мы ведь отбираем, Геннадий Петрович, тщательно.

У нас комиссия, конкурс.

К нам попадают очень красивые, вернее, талантливые девушки.

У нас уже все отобраны.

Ему не надо бродить по барам и дискотекам.

А учитывая состояние отделочных работ, завоз мебели в кабинеты, мы все усилия направим на диапазон образования вашего сына.

Без спешки, Геннадий Петрович.

Юра будет актёром...

Как только вы закончите отделочные работы в актовом зале, Юра перейдёт на второй курс.

На втором курсе программа будет сложнее.

Оборудование сцены, осветительная аппаратура, звуковая...

Кабина помрежа, телефонная связь.

Мне приятно, что Юра сам чувствует, что у него ещё не всё хорошо.

И его волнение сегодня...

Вы же видели, он так ничего и не сказал – хотя это большой и непростой монолог Шекспира.

Ну, не будем обвинять Шекспира.

Хотя ему тоже не мешало бы...

Это всё-таки первый курс.

Можно бы и полегче.

Но наши педагоги на поблажки не идут.

Тем более вы, Геннадий Петрович, сказали, что хотите видеть сына великим актёром, и мы берёмся. Правда, педагоги? А ну, хором: «Берёмся»!!! Слышали, Геннадий Петрович?

Он будет великим, но нужно время, нужен спортзал.

Мы все видели фигуры наших абитуриенток после первичного, так сказать, отбора.

Конечно, им где-то нужно поддерживать форму.

И не где-нибудь, а в хороших руках.

Сегодня государство устранилось, только частные лица.

Только частные руки частных лиц.

Хула-хуп! Бассейн.

Недавно у вас на дне рождения танцевала сборная по синхронному плаванию, на дне бассейна.

Все в восторге.

Наши студентки лучше...

Они не хуже.

Они выше – у них ещё и актёрский талант.

Они, выпрыгнув из воды, могут ещё что-то сказать...

Но для этого нужна вода.

Нужен бассейн.

Нужна сауна, Геннадий Петрович.

Тем более что у Юры пока плохо с индивидуальностью.

Нет её пока...

Она будет, Геннадий Петрович, мы её найдём.

И лицо собственное у него будет.

Подберём что-нибудь.

Но это огромная вакханалия труда всех педагогов вуза.

Здесь не обойтись без зарубежного опыта.

Может быть, придётся пригласить лондонских профессоров.

Все вместе мы ему найдём индивидуальность, и своё неповторимое лицо, и свой особый почерк в искусстве.

Всё, что нужно для великого актёра, у него будет.

Мы ему ищем.

Он дорисует, сакцентрирует.

Остальное мы в нём всколыхнём.

Он возьмёт зал, но зал, а не эту халабуду без огней.

Он, в сущности, танцор.

Мы в нём это развиваем.

Хотя негде абсолютно.

И скованность у него пройдёт.

Он так и не смог ничего показать и просто удрал со сцены.

Это чувство ответственности перед великим отцом.

Ваш приезд к нам вызвал вакханалию праздника, волнения и суеты.

А он танцор и будет им.

Но негде.
У нас нет танцевального зала...
Хорошо, будет проект, Геннадий Петрович.
Вы смотрите на Юру не как на свершившийся факт, а как на заявку.
Да, пока без результата.
Результата не достигнешь без мата, без зеркал, без трапеции, без трико, пуантов, испанских и русских костюмов.
Нам камзолы необходимы, маскарадные маски, сапоги...
Даже для чечётки нужны специальные накладки и помост.
Он будет бить степ.
Я всю жизнь бил степ.
И он будет бить степ...
Мы с ним вместе будем бить степ...
Видели «Вечер в Гаграх»?
Я тоже видел...
Юра тянется в искусство.
Отец Юры тянется в искусство...
Мы все здесь, как говорится, тоже тянем всех, кто тянется.
А при наличии новой крыши на здании, туалетов и особенно...
Почему Юра должен покрываться потом во время занятий?
У нас отобраны красавицы вокруг.
А Юра высокий, стройный парень.
Зачем ему потеть?
Кондиционер в кабинет директора, кондиционеры ведущим профессорам, а потом в будущий спортзал и актовый.
Ну, это проектом предусмотрено.
Это всё реминисценция, или, как сейчас говорят, ремейк, сиквел и саундтрек.
Юра тянется к английскому, а у нас нет фонетического кабинета, аппаратуры, ларингофонов и зубоврачебного кресла.
А не дай бог, Юра осипнет.
Шекспир и Островский часто требуют крика в своих сиквелах.
Ему придётся воплощать на сцене драки, убийства, перекрывать рёв многотысячной толпы, сражаться с озверевшими монголами, а где у нас медпункт? Кто дежурит у аппарата для измерения давления крови и высоты тела?
Всё продали за долги – мой предшественник приватизировал медицинскую кушетку и бинты, зелёнку и кровоостанавливающий жгут.
А «Скорая» сейчас добирается позже, чем снегоочиститель.
И без медикаментов.
Медпункт в нашем деле главный, при наличии спортзала, актового зала, вечеров отдыха и актёрских театрализованных драк, и стилизованных мордобоев в общежитии.
Наверное, Юра захочет его посетить...
Общежитие.
Каждому хочется узнать, где толпятся отобранные нами таланты и красавицы.
Геннадий Петрович, я туда Юру не пушу!
Трупом лягу.
Прокрадусь за ним и выкраду, Геннадий Петрович.
Тараканы, крысы, мыши, девушки.
Кухня на этаж!
Вьетнамцы жарят селёдку – вонь до трёх вокзалов.

Внутренняя культура часто обгоняет внешнюю.

И на унитаза прыгают сверху, как козлы.

Ибо здоровье есть, а прицелиться нечем.

Геннадий Петрович, чтоб Юра не заболел, не заразился, не потерял остатки духовности, ему туда нельзя.

Туда можно пускать только за дополнительную плату – стоянка древнего человека.

Женщина, которая у них комендант, она же администратор, она же воспитатель и буфетчик – лечится непрерывно.

Просьба никому туда не заглядывать. Не СПИД, а спа на месте общежития.

Снести, Геннадий Петрович, к чёртовой матери.

Ради Юры – снести, место продуть авиадвигателями и построить спа со встроенными телекамерами в каждой комнате.

Чистота будет зафиксирована.

Дерьмо будет иметь фамилию.

Не попал в унитаз – попал на ковёр.

Попал на ковёр – попадёшь в унитаз.

Ради Юры!

Геннадий Петрович, он чистый мальчик.

Так что начнём с туалетов.

Потом актёрское мастерство, творческая неповторимость.

Туалеты – это реминисценция нашей жизни.

В нашем недалёком прошлом, когда государство охраняло наше здание, как памятник архитектуры, обгадили всё.

Каждый пользовался чем хотел и где хотел.

Сегодня, с появлением Юры и его великого отца, мы вправе требовать от себя культуры и этикета, включая отношение к еде, как к ритуалу.

Столовая, Геннадий Петрович, – предмет забот.

Студент театрального вуза сегодня – человек не без одежды и не без денег.

Мы ему задержим цены в столовой...

Но оборудование кухни: коптильня, холодильник, гриль, ну и пекарня, электрические мясорубочные машины, кремозбивалки, овощерезки, электрические дуршлаги, смесители, соковыжималки и разного рода пневмодробилки.

Юра – парень молодой.

Аппетит у него будь здоров, а если с друзьями?

Почему бы ему с улицы не попасть прямо в столовую...

А если это не столовая, Геннадий Петрович, а знаменитый на весь округ круглосуточный ресторан «У актёра Юрика».

Как у Шекспира – бедный Юрик!

Да, Шекспир, «У Юрика».

Домашние колбасы, соленья, паштеты, овощи свежие, селедочка, лучок, форшмак, соте овощное, рагу баранье, круассаны, барабулька жареная, колбаски, шашлычки из печени, из курочки, своя рыбка копчёная, своя кулинария в отдельном зале, вход с улицы, «Купи у Юрика» – компоты, окрошка холодная, борщ красный с чесночком и сметанкой.

Оркестр, цыганский хор студенток вуза, квартет профессоров, Геннадий Петрович, и спа, и телевидение своё со съёмкой сериалов.

А наш вуз при ресторане.

Это уже не вуз, а творческий актёрский городок, лечебно-профилактический диспансер на правах Академгородка при Министерстве культуры во главе с дирекцией.

И наш Юра.

Наш с вами Юра, Геннадий Петрович, будет почётным президентом.

Ура!

Господа!

Приятно думать, что не напрасно прожил.

Я вас любил, господа.

Любовь ещё, быть может, в душе моей... Поём все! ...Угасла не совсем!

Губами говорить

Потому что ничего нет лучше, когда вам шепчет в ухо что-то молодость.
Что-то шепчет, касаясь всеми своими губами.
Сопровождая какие-то слова тёплым дыханием.
Слегка щекотно и так приятно, что слушал бы...
Но слов не разобрать.
Сам процесс настолько...
И дыхание проникает настолько...
А там ещё смеются.
Это же, оказывается, анекдот...
– Ну, – говорят вам. – Смешно, правда?
– Да ещё как, – говорите вы, краснея. – А нельзя ещё раз концовку?
На вас смотрят удивлённо.
Но опять в ухо губами, и вы опять теряете сознание.
Будь в вашей власти, вы втянули бы в ухо всё это...
Вы силитесь понять...
А вам смеются внутрь тихонько и повторяют, чтоб вы поняли.
– Нет, не доходит, – говорите вы в надежде.
– Я третий раз не буду, даже для тупых. Сатирик, называется. Вы никого не смешите, кроме себя.
– Я... Да... Я не виноват... Я не расслышал.
– Глубже, чем в ухо, я не могу. Купите аппарат, сатирик, чтоб понимать хотя бы то, что говорят вам в ухо.
– Я понимаю по губам, – ответил я. – Но ваши губы следует прижать к моим и говорить.
И я клянусь: я разберусь, я не тупой, я просто одинокий.

Одесса.
Окна были на улице, над землёй, сантиметров тридцать.
И все присаживались на уличный подоконник, выпивали.
Хозяева видели в своих окнах только задницы.
Ничего.
Мы привыкли.

Люди входят в ресторан и внимательно изучают ваши тарелки.
Не обращая внимания на вас.
– Здравствуй, Миша, – глядя в мою тарелку. – Как живёшь? – горящими глазами изучая отбивную.
Да я сам скажу, сколько это стоит, не мучайся.
Поговори со мной.

Наша демократия.
Наши руководители.
Поместили камбалу в аквариум, под который подложили шахматную доску.
Через некоторое время камбала стала клетчатой в чёрную и белую клетку при всей своей независимости.

Сегодня при таком количестве войн, ураганов, наводнений, бомбёжек, взрывов нельзя говорить: «Не повезло».
Надо говорить: «Тьфу-тьфу! Повезло мало. Тьфу-тьфу! Повезло меньше, чем вчера. Тьфу-тьфу! Совсем, совсем крошечно повезло».
Даже если ранило...
«Ещё чуть-чуть, и не повезло бы совсем».
Целую.

Доброта – дело наживное.
Жестокость – врождённое.

На мысль надо отвечать мыслью.
Парень-студент задал такой вопрос, что мы решили его вывести из состава студсовета,
из профсоюза медработников и исключить из института.

Законопослушное свободомыслие.

У него одна особенность.
Чем ты внимательнее его слушаешь, тем он хуже говорит.
А когда ты полностью сосредотачиваешься на его словах – он замолкает.
Бросай его сразу, и он будет безвреден.

Нам говорят: «Сохраняйте достоинство».
Ждать можно с достоинством.
А как с достоинством догонять?

Чехов

Допустим, к большому чиновнику сегодня, допустим, явится А.П. Чехов и подарит, допустим, свою новую книгу с личной надписью...

После его ухода чиновник долго будет заглядывать под книгу, перевернёт, потрясёт, перелистает и скажет: «Вот тип... Где же содержание?»

Животные – это наше воображение, как и другие любимые.

Я хочу, чтобы меня любили безответно, страстно и немедленно.
Дальше я сам разберусь.

У нас сатирику помогают все.
Он не должен быть талантливым...
ТВ само говорит через него.
Исправления, вырезания из текста создают особую прелесть изображению и звуку.
Заикания, вздрагивания передаются слушателям в виде волнения и нагнетания.
Как легко творить в такой атмосфере!

- Миша! Рассмеши его так, чтоб он умер от смеха.
- Зачем?
- Мне это нужно. Ну, поверь. Ну, сделай. Никто не придерётся. Ты понял?
- Я не уверен.
- А я уверен. Давай вот ту, с матом... Квартиру я организую.
- Ты с ума сошёл!
- Никто не докажет. На глазах у всех человек хохотал, хохотал и сдох.
- Теперь пойми ты меня. Чтобы было смешно ему – надо, чтобы было смешно мне. А как мне будет смешно, если ты такое задумал. Я не выдержу, я ему скажу: «Приятель, что тут смешного? Не смей смеяться. Оно всё тупое и с матом. Я сам этого стыжусь. И пошёл вон, или уйду я».
- Это если он не будет хохотать?
- А если он не будет хохотать, тогда я буду думать, что это я стал бездарным. И умру я. И если ты рассчитываешь на это, то ты больше не приходи. Деньги я могу взять, но обязательства – никогда.

Правда или то, что думаешь

Кто-то предложил:

– Давайте сегодня вечером говорить правду.

Наш главный друг, глава района, сразу сказал:

– Нет.

Мы говорили правду без него.

Переругались через пятнадцать минут.

Я говорил сначала одной женщине:

– Я тебя хочу.

Потом – другой.

Мы говорили то, что думаем, и как-то так вышло, что все выглядели неприглядно.

С тех пор не собираемся.

Всё-таки то, что думаешь, – одно.

А правда – совсем другое.

Унитаз, НАТО, Сочи (Угроза Олимпиады)

Там, где наши люди... Когда хотели... Где приспичило, там и облегчались – на дерево, на забор, расписывались на снегу, – теперь поставят унитаз.

Всё!!! Страна присоединилась к европейской конвенции об оформлении облегчения мочеиспускания.

Виват.

Со вступлением в ВТО придётся мыть то, что вытирали.

И стирать носки ежедневно.

Иначе не возьмут.

А с Олимпиадой в Сочи ещё сложнее.

Всем постричься.

Бабкам ноги помыть, поставить их на каблуки и золотые зубы закрасить.

Мужикам костыли покрасить белым.

В гастрономах усилить ассортимент.

На вокзалах не пить.

Уезжать по расписанию.

В вагонах освежитель воздуха...

Дыхание свежее, ароматное.

Пить дома. Закусывать анчоусом и сыром.

Селёдку, капусту, огурцы – выбросить.

Первый самогон – штраф, второй – суд.

Никаких криков: «Пацаны, завтра в пять!»

Контракт!

И попробуй не прийти – придёшь с адвокатом.

Сочинским водителям при ДТП выйти из-за руля, руки на капот, ноги расставить... А дальше – как повезёт.

И все в галстуках круглосуточно.

И принудительные пробежки по утрам.

Крепкие толкают слабых.

И гольф – поголовно.

Гольф и ланч. Поголовно.

Утром – яйца и сэндвич...

Нет яиц – каша и круассан.

Нет круассана – каша и сок.

Нету сока – каша и газета.

Нет каши – радио и вода.

Нищие на улицах – только по-английски: «My mother dead» – и так далее.

Все встают в шесть утра.

Есть работа – на работу.

Нет работы – ложись опять.

Думай о победе наших.

Не знаю, как насчёт победы, но материально, конечно, многим будет хорошо.

Как сказал мой друг:
– Там у меня серьёзно. А здесь постоянно.
До сих пор думаю над этим.

От вашего имени нашего съезда партии...
Спасибо, участники.
Нам есть чем поблагодарить вас...
Аплодисменты, друзья.

Я в мужчинах здорово разочаровался.
И живут недолго.
И беспомощны.
В лифте отсекло его от жены, он заполошился, закричал: «Галя! Галя!»
Все его успокаивали.
На один этаж без неё подняться не мог.
А вы говорите, где-то есть лётчики и космонавты.

В советское время из отходов производства комсомольцы Кировского завода построили трактор К-701.

- Дай, я его ударю.
– Подожди...
Вот смотри, ты его ударишь...
Я набросаю схемку...
Ты его ударяешь.
Он не отвечает.
Он набирает свидетелей.
Собирает у них подписи.
Подаёт в суд.
Тебя вызывают в суд.
Заседание через месяц.
Ты нанимаешь адвоката.
Месяц собираешь деньги.
Сам не свой.
Тебе объясняют, что тебя ждёт в одном случае, в другом случае.
Ты...
– А если он отвечает на удар?
– Тогда схема такая...

Зал ответит

Я перед залом стою.
Для чего?
Аплодисменты?
А если нет?
Думал, думал.
И вдруг сегодня, 15 апреля, – сообразил!
– Отзыв!
Хор не поёт фальшиво.
Я скажу залу, и зал скажет мне.
Больше спросить не у кого.
Настолько жалобный вид у пишущего, спрашивающего меня о себе!!
Так не хочется его добивать.
Думаешь: «А я кто такой? Я литературовед, театровед, эксперт или шеф-повар?!»
Кто я такой, чтобы судить, пересолено или нет?
Ну мне не понравилось.
Всего лишь мне!
Это всего лишь я!
А там он.
И он спрашивает.
И он заслуживает.
Сколько раз мы у него обедали.
Он у нас.
Мы у них.
Я у него.
Мы у нас.
Неужели он предвидел?
Нет, нет, нет...
Уж предоставьте мне судить, как отзываться.
Насколько я знаю... люди, более чем я... уже... это совершили... то есть отозвались...
Что же, я сыграю в белую ворону?
Ну, мне там...
Ну, я там...
Какое-то время поскучал...
Я не голодал или замерзал.
В тепле, уюте. Несколько отвратительных часов.
А как потом радостно увидеть жену, ребёнка, собаку, сериал.
Всё пошло, как по маслу.
Кстати, колоссальная польза от собственной сдержанности.
Никогда не пожалел о добрых словах в любой адрес.
И долго мучился от, казалось бы, правды.
Сколько раз внушал себе:
– Ну хорошо, скажи в тряпочку и заверни.
Развернёшь когда-нибудь и покажешь:
– Видите, я был прав.
Можешь даже статью написать, но не показывать.
Правдивых мало.

Наивных много. Они это чувствуют.
Им не звонят...
Почему я должен быть в этой похоронной команде?
Есть общество.
Есть специальные люди.
А главное – есть зал.
Ты ему скажешь.
И он тебе ответит.
Зал ответит за свои аплодисменты.
Либо признает и получит удовольствие.
Либо крупно напишет ответ пустыми стульями.
И только потом окажется, что и зал ошибся...

– Скажите, а вы можете приготовить утку с яблоками?
– Что-нибудь придумаем.
– Так вот её и придумайте.

Что значит выпить?
Он не понимает, что он говорит.
Я не понимаю, что я говорю.
Но мы понимаем друг друга.

В Одессе я вошёл во двор, там сидели две дамы в купальниках. Они закричали: «Как вам не стыдно!»

Я вышел растроганный.
Сейчас разве кто-то так кричит?
Разве кому-нибудь бывает стыдно?

Женщина за рулём – что пешком.
Стиснув зубы, преодолевает бордюр.
Задыхается на подъёме.
Приподымает юбку, въезжая в лужу.
Вытирает лицо платком, когда обрызгивают лобовое стекло.
Полное слияние с автомобилем.
И лёгкое непонимание его устройства.

Говорящему со сцены

Чем отличается написанное от сказанного?

Главным – написанное можно пропустить, от сказанного не уйдёшь.

Тяжёлая штука – слушать сказанное: не ляжешь, не отдохнёшь, не заткнёшь его.

Он говорит. Ты сидишь. Ещё заплатил за его говорение. Это подразумевает, что ты получаешь удовольствие. Хотя на твоём лице отвращение. Отвращение на всём протяжении сказанного.

Ты спокойно интересуешься у говорящего: «А я могу это где-нибудь прочесть?» – намекая на то, что тебе это хочется выбросить, хотя ему кажется, что ты собираешься это изучать. «Нет, – говорит он с гордостью, – это пока только в устном виде». – «Жаль, – говоришь ты, – искренне жаль, хотелось бы поддержать это в руках». – «Но вы можете записать это на магнитофон». – «Конечно», – говоришь ты, содрогаясь и представляя, как ты выбрасываешь дорогой аппарат.

Вот за что люди так ценят написанное, переплетённое. На помойку идёт труд сотен людей: истории, случаи, громыхающие столкновения, убийства.

Из жизни перетаскивают в литературу. Из литературы – в жизнь. Уже без запаха, без волнения, без крика матери.

А если осядет в голове как сказанное, как увиденное – вы никогда не избавитесь от этого. Вы будете мотать долго головой: «Я же это слышал собственными ушами», – будто это о чём-то говорит.

Что такое, господа?

Нам капиталисты стали поставлять не всегда качественные товары. Их надо ремонтировать, надо бегать, волноваться. Что такое? Это же заграница! У них должно быть безотказно.

Мы же на них надеялись.

Мы же на них рассчитывали.

Мы же им верили.

Как же? Что же? Нам, что ли, производить? Вы представляете? Я вообще не представляю. Это же замкнутый круг. Это хуже, чем раньше... Раньше нашего не было, а там было не достать. И всё в порядке: значит, памперса не знаем, стираем в тазу – всё в порядке.

А сейчас же другое дело. У нас нет по-прежнему, а там – низкого качества.

Куда бежать?

Я надеюсь, они не доведут нас до того, чтоб мы сами кондиционер клепали. Мы же хотим жить как люди и одеваться как люди.

И питаться как люди.

И умываться как люди.

И развлекаться как люди.

И кататься как люди.

И лечиться как люди.

А отечественными разработками ни питаться, ни лечиться, ни одеваться, ни умываться, ни кататься – только разбираться.

Господа, держите качество, не доводите до крайностей. А эти жалкие попытки заинтересовать? Кого?.. Нас?.. Чем? Деньгами?

Нас не запугаешь и не заинтересуешь.

Копать не любим.

Производить не можем.

Долго что-то делать – не хотим.

Невысоко, неглубоко и быстро – пожалуйста, и то если этим потом не пользоваться.

А если пользоваться – это надо как-то всей страной одну штуку, и чтоб на один раз, и чтоб потом никаких претензий.

Опять и опять говорю – мы уже с удовольствием не работаем. И с удовольствием наблюдаем за беспомощными попытками нас заинтересовать, мобилизовать и запугать.

Господа! Позвольте, позвольте пройти в Европейский союз... Как туда?.. Прямо и направо?.. А говорили, налево... Ну, народ.

Надо проверить, почему в выходные Москва пустеет, и внедрить это в будни.

На пустынном берегу шептались две девушки.

Как говорят в Одессе: я вчера получил такое удовольствие, чтоб не дожидаться умереть.

– Может ли быть умный таким бездарным?
– Может. Если он не заинтересован.

Хорошая у тебя работа, депутат.
Рот закрыл, и ты свободен.

Государственная экономика такая: что бы ты ни сделал, ты получаешь от мамы рубль на конфеты.

Капитан:

– Круз. Поселили случайно двух мужчин и двух женщин в одной каюте. Крики, протест... Я являюсь до отхода, говорю: «Не волнуйтесь. Потерпите одну ночь. Я вас расселю».

В следующий раз являюсь через три дня.

– Что? Кто? Зачем? ...Всё в порядке!

Главное – выдержка!

Я делал карьеру.

Он мне завидовал.

Он рвался.

Он подражал.

Он списывал.

Тогда я специально для него сделал ошибку.

И он отстал на пять лет общего режима.

– Папа, ты видел?
– Да, Митя, наш пёс – левша!

В чём разница между мной и чиновником?
Мы оба сидим за столом.
Только я просто сижу, а он – должен сидеть.

Принял яд и передумал.

По стране хлопки, похожие на аплодисменты.
Это лопается терпение.

Он ошибался только в людях, остальное мог предвидеть.

Когда мужчина говорит: «Я люблю женщин», – он любит себя.
Когда он говорит: «Я люблю эту женщину», – он любит её.

Я за то, чтобы внести в Библию: у каждого из женатых четыре ноги, два сердца, две головы.

Что у нас не изменяется – это перспективы.

Когда мы сняли чадру – не мы увидели мир, а мир увидел нас.

В итальянском кафе плакат.
Где очень просто написано.
Иисус Христос – еврей.
Твоя машина – немецкая.
Твой телевизор – японский.
Твои деньги – американские.
Демократия, при которой ты живёшь, – греческая.
Кофе, который ты пьёшь, – бразильский.
Берег, куда ты едешь в отпуск, – турецкий.
Цифры, которые ты пишешь, – арабские.
Буквы твои – кириллица.
Почему же твой сосед не может быть другой национальности?

Гусману от Жванецкого

Дорогой Юлик Соломонович!

Своим 60-летием ты нас не испугаешь, хотя, конечно, неприятно...

Ну, ведь и все другие туда ползут.

А некоторые ползут дальше и быстрее.

Мы все на постоянном расстоянии друг от друга.

Так и ползём от «Ники» до «Ники», от колита до гастрита, от компромисса до ишиаса.

С горячей закуской и остывшей любовью.

В этом состоянии нас радуют только результаты анализов.

Держи взгляд и береги юмор!

Остального не жалко.

Обидно, что это настигло тебя как раз в расцвете духовных и растрате физических сил.

Внезапность даты потрясает.

Ты один из немногих, с кем хочется говорить и у которого, отфильтровав шутки и ужимки, можно выщедить смысл.

Вот скажи мне, кто следит за балансом в нашей жизни?

Сейчас, когда столько всего в магазинах, стало не хватать взгляда, слова, тёплого рукопожатия и простого: «Ты где пропадал?» – чего было так много, когда не хватало еды и одежды.

Видимо, засыпаны мы последними известиями, которые никак не становятся последними.

И опять возникли очереди.

Чтоб просто подойти к другу...

К тебе, Юлик, и, разгребя бессмысленность, ухватить твою руку и сказать:

– Поздравляю, мой дорогой!

Будь всегда неподалёку.

Как и я.

Твой

Жванецкий.

Цель

Все оглядываются.

Воробей сядет на балкон и оглядывается.

Ест и оглядывается.

Пьёт и оглядывается.

Летит – не оглядывается. Потому что надо лететь.

А сидит – оглядывается, чтоб не напали, не сожрали... Кто? Да любой...

Он же маленький, а все большие.

И орёл – большой – тоже оглядывается... Зачем? А чтоб сожрать кого.

Кого? Да любого.

У него в глазах: «Где тот воробей?»

А воробей: «Где тот орёл?»

«Где тот кот?», «Где тут все?»

Человек оглядывается часто и подолгу. Разбогател – оглядывается, чтоб не украли. Обед-
нел – оглядывается, чтоб украсть.

Олигарх оглядывается всегда и везде. В машине, в постели – везде оглядывается и пере-
спрашивает: любит или врёт? Предан или предал? Купил или продал? Кому доверять? Где
прокуратура? Где таможенники? Откуда ждать силовика?

Прокуратура оглядывается: где? кого? куда? А за что – это наша забота.

Власть оглядывается: кто хочет меня? Кого хочу я? Какая сволочь претендует? Кто с
полным желудком? Все голодают... Допросить, чтобы быть в безопасности.

Оглядывайся, чтоб прибить.

Оглядывайся, чтоб уцелеть.

А чтоб цели добиться – не оглядывайся.

прямо и смотри прямо.

Если есть цель – уставься и всё делай.

Ешь, не отрывая глаз от неё.

Это как за рулём.

Когда в узком месте на цель идёшь – пройдёшь в миллиметре.

Когда просто оглядываешься без цели – себя подставишь.

Иди прямо и смотри прямо. Ты глаза не отрывай. А руки сами работу сделают.

Я за жизнь без цифр

Жизнь прекрасна без цифр. Всё, что выражают цифры, – всё мне не нравится. Это конфликты с друзьями, с соседями.

Это тайные вздохи и ваша внезапная мрачность.

Это пересчитывание ночью шёпотом.

Это килограммы на весах, это минуты на часах.

Это дробь гипертонии, это пульс, диоптрии, анализы, растраты, долги и проигрыши в казино.

Это зарплаты, пенсии и продолжительность жизней, это штрафы, нарушения, цены на базаре.

Что вам из этого нравится?

А часы приёма, время работы и количество взятки?

Всё, что в цифрах, чревато скорым концом или крупными неприятностями.

Есть и радости, конечно, но они такие скоротечные, такие мелкие и, главное, втягивают вас, приучивают, развивают привыкание к цифрам.

Вы от своих цифр перебрасываетесь к чужим, мечетесь между своими и чужими цифрами.

И они вас убивают – и свои и чужие. Вас убивает сравнение.

А тот, к чьим цифрам присматриваетесь вы, тоже присматривается к чьим-то цифрам.

Ну, казалось бы, ему-то зачем, а тоже не спит, тоже переживает, свои сравнивает, страдает, губами во сне шевелит, проценты, доли во сне делит-вычитает.

Разве успокоится он когда-нибудь?

Когда-нибудь? От чего-нибудь?

Тот, кто ушёл в цифры, разве перейдёт к жизни слов, снов и прикосновений?

Не перейдёт он.

Мир цифр – мир наркотический.

Зависимость обоюдная.

Ты страдаешь от них, они страдают от тебя.

Господи! Да война – это цифры.

Война – это война цифр.

Человеческие крики за цифрами.

Человеческие раны за цифрами.

Кто управляет нами – управляет цифрами.

За цифрами стоят, сидят, лежат больные, здоровые, раненные, озверевшие и ставшие одинокими.

Да он разве видит?

Да он разве расстраивается?

А за кого переживать?

Там же цифра «один» встречается, только когда он говорит о себе.

О всех других пошли нули.

Количество нулей убитых и взорванных.

Эти нули строем идут, в грузовиках едут, в подлодках тонут и даже в театрах аплодируют.

Пока...

Пока не загремел мир цифр, все мы стоим, лежим, любим и детей держим в строгости – для следующего поколения цифр.

Как цифры потоком – значит, война, значит, кончились личности, закончились арии, смыслы, метафоры и колыбельные.

Эй, нули, Родина вас зовёт вперёд!

Мы у них

Самая изощрённая фантазия иностранных режиссёров нашу жизнь воссоздать не может: они не знают грязь, покрытую толстым слоем лжи, или ложь, покрытую слоем грязи.

Настороженность и радость при виде того, что плохо лежит.

Или женщин, перетаскивающих рельс.

Или лёгкую немытость под смокингом.

Или грязный «Роллс-Ройс» с мигалкой.

В этом больше смысла, чем в многодневной поездке по Сибири.

Это туалет в огороде. Без задней стенки.

Мол, всё равно к реке выходит, то есть забота об окружающих, не о сидельце.

Как показать нас в виде прохожих, когда мы прохожими не бываем.

Мы ищем! Еду, деньги, справки, документы, одежду, лекарства.

Мы поём то, что наши музыканты заимствуют у них.

Как же их режиссёры выйдут из этого положения?

Что же – они будут показывать свою копию, превращённую в пародию?

Они думают, что мы над ними смеёмся.

А мы не смеёмся – мы так подражаем.

Это у нас такой джип, такой фильм, как у них, такая песня.

Это наше, хотя и ихнее.

Долго поливать грязью, а потом создать такое же, но хуже, и уже окончательно возненавидеть ихнее.

Как это всё показать, раскрыть, понять?

А будто в Советах мы не выкрадывали чертежи, формулы, изделия и, копируя, делали настолько хуже, что сам Сталин орал: не трогайте, копируйте все-все дырки, все трещины, потому что у вас работать не будет.

Так говорил кумир нации её элите...

Поэтому! Ах, поэтому, опять и опять – царские генералы, статские советники и что-то ещё, одетое не как все, дикое ретро в соболиных шубах.

И они, изображая нас, становятся абсолютно ненормальными.

У них в кино мы придурки.

И вроде даже их героев ловко преследуем и обманываем.

Мы там – они придуманные.

Так как, приступая к нам, они сами теряют человеческий облик и надевают на нас всех какие-то погоны, галифе – такие мы у них злодеи в сапогах от Диора и в гимнастёрках от Версаче.

То есть, изучая жизнь в России, ты или изучишь и подохнешь, или подохнешь, но не изучишь.

Повторяюсь.

Нам нужно жить отдельно.

Отдельно петь, пить, читать и говорить.

Что мы и делаем.

Пока мы не начнём медленное взбирание, которое когда-нибудь назовут восхождением.

На приёме у больного

Чтобы успокоиться, нужно говорить не с вашим лечащим врачом, а с его больным.

И сразу – то ли оттого, что он жив ещё, то ли оттого, что он не знает, что с ним, то ли оттого, что он не хочет знать и вообще рад видеть кого угодно, вы мгновенно успокаиваетесь и понимаете, что паниковать надо было раньше, и вспоминаете, что паникёры – очень здоровые люди, редко попадающие в пожар, наводнение, воровскую компанию или алкоголизм.

Так что ваша компания – не врач.

Ваша компания – его больной.

С вашим диагнозом.

Целую.

Такое состояние

Это я внутри произнёс с грузинским акцентом.
– Слушай! Я ехать дальше не хочу. И домой не хочу. И спать не хочу. И кушать не хочу.
И пить не хочу. Ничего не хочу.
Вот такое состояние.
И здесь сидеть не хочу.
И там сидеть не хочу.
И читать не хочу.
И писать не хочу.
Я вообще устал хотеть.
Ничего не хочу.
Вот такое состояние.
Никуда не хочу.
Умирать не хочу.
И жить не хочу.
Вот такое состояние.
Что посоветуешь?
Какие лекарства?
Против чего?
Против меня?
Что – револьвер?
Умирать не хочу.
Я ж не идиот.
И жить не хочу – тоже потому что не идиот.
С кем встречаться?
С врачом?
Что он мне скажет?
То, что ты?
Лечиться не хочу.
И болеть не хочу.
Я же сказал, я не идиот.
Это такое состояние.
Телевизор смотреть не хочу.
Ты говоришь – не смотреть.
Я не смотрю.
Вот это твои советы?
Что ещё посоветуешь?
Где жить?
За границей – не хочу.
Здесь не хочу.
И сидеть на месте не могу.
И ехать никуда не хочу.
Музыку? Где? В консерватории или в больнице?
Всюду не хочу.
От любой музыки у меня синяки.
Я не знаю, куда выйти, чтоб там музыки не было.
Они все поют, чтоб выйти замуж.

Ты думаешь, это не слышно?
Вышла замуж и опять поёт.
...Хиты...
Хиты слушать не хочу.
Бренды видеть не могу.
Полемику слушать не могу...
Лучше жить не хочу.
Хуже жить не хочу.
Умирать не собираюсь.
Пусть поют дальше.
Хиты. Из трёх букв.
Машину? Для чего?
Часами стоять – хиты слушать?
Полемику слушать?
Для чего машину?
Радио слушать?
Я уже не знаю, где полемика, где диспут, где демократия, кто прав, кто неправ.
За что он хочет, чтоб его избрали?
За голос? За шутки? За пиджак?
Куда я за ним пойду, если он сто лет на месте камнем сидит.
Он выборы выиграл – пропал, проиграл – пропал.
Он всё равно пропадёт, зачем я ему нужен?
Купить машину, чтоб его слушать?
Не хочу. Ни видеть его, ни слышать его, ни знать его не хочу.
Вот такое состояние.
И к врачу не хочу.
Я только что от врача.
Он сам в таком состоянии.
Кому, говорит, отдать твои двадцать долларов, чтоб меня успокоил?
Он меня спрашивал, что я ему посоветую.
Я просил его пока деньги взять.
Он взял.
Хотя расстроился.
Потом ещё взял и нашёл у меня крупное недомогание, которое лечится только у него,
но в Англии.
Я ему обещал.
Он не поверил.
Хотя мне в глубине души кажется, что моё здоровье его не волнует.
Он тоже сказал, что ничего не хочет.
Вот такое состояние.
Может, близких предупредить?
Не могу сказать, что у них другое состояние.
Женщины более живые, поэтому живут дольше и в это состояние приходят позже.
Но многие также сели за руль и стали торопиться, хотя их там никто не ждёт.
Они всё от нас боятся отстать.
А я боюсь, как бы они раньше не приехали.
Очень как-то рьяно они жить взялись.
Уже не знаю, кто нас провожать будет.
Очень хочется чего-то захотеть и ради этого чего-то сделать.

Может, он сверху нас наконец увидит и какое-то задание даст.
Без задания мы уже ничего делать не будем.
Спасибо! Как ты догадался выключить свет? Я бы не догадался.

Жить в доме, зная, что ты для кого-то невыносим, – это демократия.
Выгонят – диктатура.
Морду набьют – кровавый режим.
Посадят – тоталитаризм.
Законопатят дверь – душат свободу.
Слушай, а кто-нибудь пробовал исправиться?

Кого-то слушают.
А к кому-то прислушиваются.

Умеешь ли ты писать интервалами, паузами, безмолвием и тишиной?
Научись и будешь любим.

Покрытое грязью животное погибает.
Только человек может отмыться.

Лошадь, собака, кот

Я сегодня взял лошадь под уздцы и держал.
Она ткнулась мне в рукав.
Пососала пуговицу.
Ещё ткнулась...
Переступала, вздыхала, трогала мою пуговицу, и я такое доверие почувствовал.
Обидь её при мне...
Попробуй...
Становятся всё ближе – лошади, коты, собаки.
Я доверяю им, они – мне.
Мы вместе.
Маленькая собако-кошечная компания во главе со мной и лошадью.
Мы идём куда-то.
Только я, один я должен их накормить.
Я должен.
Они защитят меня.
Всё остальное должен я – приютить, объяснить, вылечить.
Они же душу занимают доверчивостью своей.
Мы прижмёмся и согреемся, и они уснут.
Я не смогу.
И у большой лошади, и у маленького кота никого нет, кроме меня.
Как же я усну?
Я буду лежать и думать.

Кот Макс

Я знаю кота, который содержит довольно крупную научную семью.

Он очень породистый и красивый.

В общем, к нему приносят для любви разных кошечек.

Он их любит и за это берёт ровно 200 у. е.

Но случился скандал: вносили одну кошечку и тут же выносили другую.

И они встретились.

Хозяева Макса долго извинялись.

Хозяева Ксюшечки были возмущены.

– Это что, публичный дом? Это безнравственно! Это аморально и не по-человечески.

Стыдно так таскать одну за одной. Что это за чудовище такое? Грязный пахарь! Ксюша – девушка.

Но оставили их наедине.

Затем, ворча, забрали.

Кот, кстати, равнодушно отпустил, забыл, уткнулся в миску...

А где взять силы – такую семью тянуть?

После скандала заработок слегка упал – среди людей есть сволочи, есть завистники.

Но популярность возросла.

Кот Морис – избит

На даче коту:
– Морис, сейчас же вернись! Не возникай у забора! Побили тебя вчера. Ты такой большой, красивый, романтический, образованный.
А он маленький, грязный, но истерически храбрый.
Тебе его жалко, тебе себя жалко.
А для него тело – это не тело, это для него камень, это для него палка, его тело.
Ему его не жалко.
Он бьёт тебя этим телом, как палкой.
Ему почему-то не жалко его сломать, потерять.
Он не думает ни о чём, кроме тебя, красивый, образованный, домашний кот.
Ему не себя важно прославить, ему тебя важно убить.
Он телом – как камнем.
А ты забился в угол.
– За что?
Мы даже не знакомы.
Кто вы такой?
Почему вы меня так свирепо, так безжалостно бьёте?
– А чтоб ты, сука...
– Что? Что?
– А чтоб ты, сука...
– Ну что? – кричишь ты, отползая в угол...
Только удары и никакого ответа.
Пока кто-то большой, сильный, похожий на человека, хотя и лысый, ногой не ударил этого зверя.
Тот вцепился в ботинок, но, получив второй удар, успокоился и побежал к забору.
Вот так, Морис.
За что-то бьют редко.
За что-то бьют слабо и дома...
А на улице на глазах у всех бьют сильно и ни за что!
Не переживай!..

Когда ты пишешь дома, ты должен быть талантливым и умным.
Когда ты стоишь на сцене, ты должен быть смешным и обаятельным.
Когда ты сидишь с друзьями, ты должен быть разговорчивым и добрым.
Когда тебя встречают на улице, ты должен улыбаться и фотографироваться, обняв пыльного прохожего.
Когда ты пьёшь в ресторане, ты должен не пьянеть.
Вы не скажете, зачем мне всё это нужно?

Воробей – это орёл, выросший в неволе.

Второй этап реформ

Выборы сегодня, как беспроигрышный советский заём или перепись населения. Никого не переписали, но общее количество откуда-то узнали. Видимо, из доносов. Все знали, что от выборов выиграют, но когда и кто – неизвестно. Теперь наша задача проще – чтобы от деятельности руководства страны никто не пострадал.

Социальные проекты можно выполнить, можно не выполнить.

Главное – чтоб люди не пострадали.

Золотые запасы пусть гигантски растут.

Главное, чтоб люди наши не стали жить хуже.

В парламент толпой – артисты, футболисты, штангисты, силовики.

Мы с радостью, лишь бы остались целы дети, старики и немощные спортсмены.

Зарплата пусть втрое больше.

Лишь бы гражданам что-то досталось.

Опрашивайте хоть каждый день. Кого хотите. Многие назло говорят, что им хорошо, многие назло говорят, что им плохо. Даже я правды не скажу, если по телефону вдруг:

– Кто в вашей семье смотрит телевизор?

– Когда?

– Сейчас.

– Прямо сейчас, днём?

– Да...

– Кто смотрит... Все смотрят!

– Это сколько у вас всех?

– Сто.

– И все смотрят Первый канал?

– Все... С наслаждением.

– А второй?

– С наслаждением.

– А третий?

– Я ж тебе сказал.

– А что именно смотрите?

– Та всё... Не отрываясь!

– А вы не подскажите, дети среди вас есть?

– Вот вы и подсказали.

– Сколько?

– Все.

– Что смотрят?

– Не отрываясь!

– Что?

– Всё!

– Вау! – мяукнула опросчица и побежала докладывать.

Я думаю себе: «Пиши что хочешь. Только людям не навреди».

Подлюдки нужно строить?

Нужно!

Ракетами стрелять нужно?

Нужно!

Границы укреплять нужно?

Нужно. Причём в обе стороны.

Всё нужно, если внутри страны никто от этого не пострадает.

А так как они страдают ото всего, то им и не поможет то, от чего они не пострадают...

Теперь надо думать: что им поможет, если они не пострадают от всего?

Это уже второй этап реформ.

А вы лечили геморрой в больнице Управделами президента?

Сходите, получите удовольствие.

Ужин в ресторане

Он соображал хорошо, но мало.
И только в одном направлении...
Поэтому он нас всех одевал, кормил, поил, обогревал.
А мы гордились своим умом и душой.
Пили за его счёт.
Говорили о нём гадости.
Хотя в лицо боялись.
А он однажды не заплатил за всех.
Однажды в ресторане.
Напрягитесь и представьте.
Что тут началось!
Недоумение. Растерянность. Злость... Ужас.
Где он? Как ушёл?... Извините.
Что, его нет?... Точно ушёл?
Может, вышел? И машины нет... Нет... Он вернётся?
Ждём.
Разговор не получается.
Ждём в тишине.
Я иду на тротуар, униженно объясняя, что сейчас вернусь.
Позвонил ему.
Он сказал, что ложится спать...
Я спросил: «А как же?..»
Он ответил, что хочет спать...
Начали собирать деньги...
Таких проклятий никто из нас не слышал давно.
Нам с женой привёз деньги её дядя...
Кто-то звонил кому-то, просил в рассрочку.
Большие деньги оказались.
– А зачем ты жрал дорогое вино?! – заорал я.
– Не дороже твоей фуа-гры, идиот.
– Какая сволочь расковыряла омар?
– А я сейчас вырву, – заплакала самая красивая чья-то.
– Вырви. Но денег тебе не вернут.
Два инженера засовывали руки в карман и говорили:
– Сейчас... Минуточку... Сколько, вы говорите, с нас? Мы практически ничего не ели...
Мы только квас...
Часы, галстук, пиджак.
Пиджак, говорят, до сих пор не забрали.
Теперь мы боимся отвечать на его приглашения.
Он потерял нас.
Мы потеряли его.
Кто больше потерял – до сих пор не знаю.

Спасателям

С Новым годом, братья, сёстры и дети их!

Счастливы будьте!

Поощряйте ум друг в друге, отмечайте хорошую физическую форму у мужчин. Фигуры у женщин. И обязательно сообщайте им.

Попадётся спасатель с чувством юмора, не гоните его. Обогрейте, накормите. Он и так страдает от этого недостатка.

Терпите умных! Они уже знают, что дни их сочтены, и ведут себя непонятно, агрессивно, плюются, отказываются долго говорить матом.

А может, кто-то из них воспитание получил?

Время было такое.

Можно было и получить.

Любите молодость в «Комеди клуб». Ребята на взлёте. Если их не поймают и не оборвут перья, они ещё сделают много хорошего. И помните: мы живём в такое время и в таком месте, когда никто никому ничем не обязан.

Один по долгу службы тонет. Другой по долгу службы его вытаскивает. Кто кому помог, неизвестно. Население в массе своей жить, конечно, хочет, но не очень сильно. Так и не получив точных данных о царствии небесном, покупает и покупает автомобили и мчится к отсутствующей цели в море машин. Скоро будут прокладывать дороги поверх машин, что откроет горизонт и решит много вопросов.

В советской жизни были свободны мозги, ибо все подчинялись кому попало. Настроение было, на голодный желудок, прекрасным. Сегодня мы добились того, о чём мечтали. Теперь мечтаем о том, чтобы вернулись мечты. Но сытый не поёт, а рыгает. А средний пробег мечты где-то 70 тыс. км.

Слышу: «Что-то вы стали злым, Миша. Что-то вы стали печальным, Миша!» Да никогда! Сутками мучаюсь, чтобы попроще, покороче, повеселей. Но хочется что-то сказать. О чём-то...

Разговаривать умею! Не умею поддерживать разговор! Извините...

А как усидишь среди начальства: фамилии, фамилии, фамилии. Этот передал этому... этот не передал этому... фамилии, фамилии. А меня тянет обобщить. А обобщений люди не переносят: им кажется, что размер бедствия от этого увеличивается.

А вы – будьте удачливы! А вы – будьте здоровы! Обязательно помогайте там, где можете.

Кроме вас, спасти нас некому. Скажем спасибо населению, что оно пока разрешает себя спасать. А вдруг само возьмётся? Не дай бог. А если откровенно, надо спасать душу. За ней потянется тело. А вы – будьте счастливы. И я с вами!

Нет перспектив

Тот, у кого нет никаких перспектив, – добрее.
Он лучше слышит.
У него свободна голова.
Конечно, он ничем помочь не может.
Но как слушатель...
Советчик.
Передачик.
Выпрямитель.
Успокоитель.
Он вызывающе противоречаще согласный.
Вежлив.
Тот, у кого нет никаких перспектив, умеет многое руками.
Он сносно пишет.
Играет на рояле.
Знает массу анекдотов.
Он дико дружелюбен.
Распространяет поцелуи.
Рукопожатлив, улыбчив постоянно.
Направлен в прошлое, откуда шла его перспектива.
Всё помнит: книги, телефоны, имена.
Тот, у кого нет главного, довольно много знает.
Со всеми дружит.
Всем помогает.
Всё понимает.
Бывает всюду.
Много читает.
Всех встречает.
Со всеми пьёт.
Всех кормит, лечит, принимает.
Но не понимает, что у него нет никаких перспектив.

Богатство в России напоминает стояние в пробках на очень дорогом авто.

Конечно, хорошо жить до ста лет.
Но где взять столько денег?

Мы же хотим:
ездить, как люди,
зарабатывать, как люди,
жить, как люди.
А расскажешь, как люди живут, — тебя готовы убить.

Прибой родил джаз.
Морской ритм во всём.
В музыке, в дизеле, в паровой машине.
В сексе, в шагах.
Спаренные паровозы, запряжённые в огромный состав, говорили друг другу:
– Давай-давай!
Потом ещё раз:
– Давай-давай!
Потом с разгона:
– Давай-давай-давай-давай-давай... Эх-эх-эх... Давай-давай-давай...
– И пошёл-пошёл-пошёл... Эх-эх-эх...
Паровозы – самые говорящие, поющие и работающие из всех машин.
– Пошёл-пошёл-пошёл-пошёл... А-а-а-а-а... Так-так, так-так, так-так-так-так-так... А-а-а...

Все знали.

Помчался поезд из Донбасса.

Он кричал на всю страну:

– А-а-а... Так-так-эх-так-та-так...

И замедлялся с трудом:

– Эх-эх-эх-хе...

Кричал, разгонялся, таскал, а там спали, ели, умывались, играли в карты.

Как обычно.

Кто-то тащит, а кто-то едет, а кто-то и не замечает, что его везут.

Сундук на дороге

Мы уже перестали идти навстречу.
Бежать навстречу.
Мы ищем попутчиков, сидя на их пути.
Нелегко, находясь в неподвижности, найти попутчиков.
Никто не хочет с нами вместе не двигаться по пути.
А другие нам не компания.
Сидящий и идущий не могут дружить крепко, они видятся одно мгновение.
Сидящий и стоящий ещё могут что-то предпринять.
Либо стоящий сядет, либо сидящий встанет.
Нет попутчиков неподвижному.
Бросят они его.
Вместе с его деньгами.
Все советуют начать двигаться.
Начнёшь двигаться – попутчики появятся.
Не начнёшь – будешь сидеть посреди дороги на сундуке и громко зевать и на кошек орать:
– Брысь, сволочи!
И прохожих обсуждать:
– Во-о! Какой!
Галстук, туфли лаковые. Накрахмаленный.
Куда ж ты такой чистенький?
Грязюка у нас. Пыль!
Садись. Посиди.
Расскажи, куда так мчишься?
По какому делу?..
Чего там нового в ваших краях?
Кваску попей. Водочки!
Эй-эй! Убёг! Ну, беги-беги!
Говорят, там ещё хуже.
Лучше быть первым здесь, где никого нет, на ё-моё сундуке, чем последним там.
Беги-беги!
А там биржу твою прикрыли небось!
Брокер или дилер. Хрен его знает.
Во! Ещё один несётся!
Тпру-у!
Нечистая сила! Сейчас налетит.
Куда прёсся?! Ты что, не видишь – сундук.
Что-что! Вот стоп-сигнал горит! Это задние фары. Передних колёс пока нет.
Нет, не посреди дороги, а посреди пути.
Дилер хренов.
Стань посиди.
Расскажи, чего там?
Куда притопил?
Сядь, перекуси.
Куда тебе к девяти?
А далеко ещё бежать?
Не знаю я твоих. Не видел.

Много тут пробежало...
Не! Мы на своём месте.
Не на чужом.
На своём.
А если человек на своём месте сидит, куда ж он побежит.
На другое место.
Не хотим стратегически.
Ты знаешь, что такое – сижу там, где мне надо?..
Беги-беги, сутенёр!
А мы своего дождёмся.
А нам хоть на месте.
Хоть назад податься.
Все пробегают.
Всех видим.
Бывает, соберутся поговорить и опять бегут.
Зато нас найти легко.
Мы всегда здесь.
Скоро все назад побегут.
Увидимся, значит.

Бей гражданских, чтоб военные боялись.

Хорошо становится не от дружбы, не от любви, а от водки в обрамлении дружбы, в обрамлении любви.

Ездили в трамваях – были читающей страной.
Сели за руль – стали пишущей страной.

Микрофон сразу делает человека одиноким.

И всё-таки главное сегодня – как ты сам хочешь.
Либо ты езжай туда, как ты хочешь.
Либо говори, как ты хочешь.
Пусть будет по-твоему.
И не нервничай.
Уже то, что это по-твоему, стоит того, что было до сих пор.
Человек сам ищет своё место и находит понемногу.
И очень немногих находит талант.
И вытаскивает на солнце за ухо.

Тихо! Он вспоминает

В Одессе, если кто-то что-то вспоминает, он требует, чтобы все были рядом.
С криком: «Идите все сюда!»
Пока все не соберутся, он не начинает.
– Миша здесь? А Изя здесь? А Гарик? А Женя... Все... Я хочу вспомнить...
И начинает вспоминать...
Он молчит.
Мы молчим.
Мне непонятно, зачем ему все, чтобы что-то вспомнить...
Кто-то кричит:
– Про Павлика на «плитах»?
– Нет... Нет...
– Наверное, про эту сволочь – Зинку...
– Нет! Не мешайте... Тихо!
Зачем мы ему нужны? Зачем «тихо»?
Я не вынес молчания:
– Всё! Плевать я хотел!
Не можешь – не вспоминай!
Прекращай!
А вы все – идиоты.
Он же вас эксплуатирует...
Что он вспоминает?
А даже если вспомнит.
Я его знаю сорок лет.
Ничего интересного.
Он вообще ничего не помнит.
Ему кажется, когда все сидят, у него что-то начинает работать.
Хоть весь город зови, у тебя не поднимается в голову.
– Тихо! Дай ему сказать.
– Не хочу. Полжизни я сижу и жду, что он что-то скажет.
Не хочу.
Я свободный человек.
И мне плевать, что он приехал из Америки.
Откуда бы он ни приехал.
Там он ничего не вспоминает.
А здесь он ничего не вспомнит.
Что ты мотаешься туда-сюда!
– Дай ему вспомнить!
– Не дам! Вот иди во двор и сядь под дерево.
Вспомнишь – крикнешь.
Может, кто-то придёт.
А отнимать у нас жизнь я не позволю.
Я плевал на него, когда он уехал.
Я плюю, когда он приехал.
Мы долго молчали, потом разошлись.
– Я вспомнил! – крикнул он.
– Что?

– Твой старый одесский телефон: 26-34-12.

Все замолчали... Вот всё, что он вывез отсюда и привёз оттуда...

Ум и мудрость

И снова.

Что такое ум и что такое мудрость?

Ум – познакомиться с премьером, полюбить начальника ГАИ, сдружиться с налоговым инспектором, с семьёй сокового короля, стоять недалеко от губернатора, сидеть с министром.

Мудрость – оценить, готов ли ты стоять навтыжку перед министром, ласкать директора, подолгу тешить соковых детей.

Запомнить анекдот, запомнить отчество, назвать больное место оппонента, знать врагов премьера и прогибаться, прогибаться, прогибаться.

Всё надо пресекать в момент знакомства – беременность, прогнутость, глубокое презрение к приживалам.

И длинную и очень толстую цепь разочарований.

Ум – осуществить.

Глубокий ум – предвидеть.

Мудрость – пресекать.

В определённом возрасте посещать туалет можно каждый раз, как только кто-то напoмнит.

Посмотрел на себя со стороны.

Жую всё время.

Раньше – от голода.

Потом – за компанию.

Потом – из любопытства.

Потом – в честь открытия.

Потом – в честь закрытия.

Потом – чтоб кого-то увидеть.

Потом – чтоб кого-то не видеть.

Надо жевать, чтоб отъехать.

Надо жевать, чтоб приехать.

Надо жевать.

Особенно в дороге.
Особенно при виде бедных деревень.
Жуём, жуём и запиваем.
Жуём, жуём и запиваем.
И колёса – жуй-жуй.
Жуй-жуй, жуй-жуй и запивай.
Лет десять уходит на еду.
И память этот процесс не сохраняет.

Я бы немолодым людям поручил поработать наконец и для науки.
Им можно поручать испытывать на себе все длительные испытания.
Например, пребывать в космосе год или три.
У этих немолодых так быстро летит время, что они и чихнуть не успеют, как он уже вернётся.
Ещё одно открытие, связанное с теорией Эйнштейна.
Не только на скорости время течёт медленнее, но с возрастом оно течёт быстрее вдвое, втрое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.